

людям, когда сказал Моисею: «Я есмь Сущий» (Исх. 3:14). Он есть само бытие (*ipsum esse*), реальность полная и тотальная (*essentia*) до такой степени, что, строго говоря, термин «*essentia*» соответствует только Ему. Ясно, почему это так. (То, что меняется, истинно не есть, потому что меняться — значит переставать быть тем, чем был, чтобы стать другим, что в свое время тоже перестанет быть. Таким образом, всякое изменение представляет собой смешение бытия и небытия. Устранить небытие означает устранить из него начало его изменчивости и сохранить вместе с неизменностью только бытие. Говорить, что Бог — *essentia* по преимуществу, или что Он — бытие высшей степени, или что Он — неизменность, значит говорить одно и то же. Истинно быть — это быть всегда одним и тем же образом: *vere esse est enim semper eodem modo esse*; итак, Бог всегда один и тот же: Он есть Бытие, потому что Он есть неизменность.

До какой степени сам Августин осознавал свое глубокое согласие с Платоном в этом пункте, можно видеть из весьма примечательного фрагмента трактата «О Граде Божием» (VIII, 11). «Сущий» (Тот, кто есть) Книги Исхода настолько точно, как ему представляется, означает «Тот, кто неизменен» и, следовательно, то, что Платон называет бытием, что он склонен допустить, будто Платон в какой-то степени был знаком с Ветхим Заветом. Августиново понятие Бога-*essentia* сильно повлияет на мысль св. Ансельма, Александра Гельского и св. Бонавентуры, а Учение, закладывающее основы подлинного знания о просвещении ума Словом, ста-

нет одной из отличительных черт средневекового августианизма. Отметим, однако, что вместе с тем это сопровождалось изменением перспективы. С одной стороны, в средние века с помощью понятия эссенциальности Бога старались доказать, что Его существование — это непосредственная очевидность (например, св. Ансельм и св. Бонавентура), чего сам Августин не делал; с другой стороны, если св. Августин исходил из божественного просвещения ввиду главной цели — достичь Бога, августианцы средневековья развивали это понятие как чисто естественный познавательный тезис, принужденные к этому необходимостью защитить его от последователей Аристотеля с их противоположной доктриной. Оговорив это, можно утверждать, что августианизму была суждена долгая жизнь.

Легко заметить предрасположенность Августина к анализу данных о внутренней жизни. Это одно из самых больших его дарований и отличительная черта его гения. Ему мы обязаны «Исповедью» — уникальной книгой, каждая страница которой дышит свежестью и ароматом подлинной жизни, и именно в ней Августин оставил свой отпечаток на христианском догмате Троицы. Как нам представляется, Э. Порталье настолько удачно охарактеризовал оригинальность этой книги, что лучше предоставить слово ему самому: «При объяснении троичности Августин воспринимает божественную природу до Лиц. Его формула Троицы такова: единая Божественная природа, субсистирующая* в трех Лицах; греки же, напротив, говорили: три Лица, имеющие одну и ту же природу. До сих пор, действительно, дух греков сосредоточивался на Лицах: на Отце, воспринимаемом как единый Бог (первоначально слово *Deus*, б бш; , относилось только к Нему): *credo in unum Deum Patrem***; затем на Сыне, рожденном от Отца, *Deum de Deo****, и, наконец, на Святом Духе, исходящем от Отца, поскольку он — Отец через Сына. Только в рефлексии их дух видел в этих трех Лицах одну и ту же

100 Глава II. Латинские отцы и философы

божественную природу. Напротив, св. Августин является родоначальником латинского подхода, который позднее у него заимствуют схоласты, и рассматривает прежде всего божественную природу, переходя затем к Лицам, чтобы охватить реальность целиком.